

ЛУЧШИЕ ХВОСТАТЫЕ 🐾 СЫЩИКИ 🐾

🐾 Татьяна **УСТИНОВА** 🐾

🐾 Екатерина **ОСТРОВСКАЯ** 🐾

Евгения **МИХАЙЛОВА**

🐾 и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Лучшие хвостатые сыщики

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Лучшие хвостатые сыщики / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2021 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-155110-0

Кто лучший помощник детектива? Конечно, его четвероногий домашний любимец! Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова и другие талантливые писатели наглядно демонстрируют, что детектив может быть усатым и хвостатым! В новом сборнике остросюжетных рассказов следствие помогают вести именно они – братья наши меньшие. Они видят все скрытое от людских глаз и находят то, что не под силу отыскать никому другому. А еще утешают, забавляют и всячески украшают жизнь!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155110-0

© Устинова Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Рина Осинкина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Коллектив авторов
Лучшие хвостатые сыщики

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Рина Осинкина Уткина охота

Ей очень хотелось в Испанию. В Мадрид, например, или Барселону. Впрочем, в италийский Рим ей тоже очень хотелось, и в Венецию, а оттуда прямым перелетом – в Орли, что в парижском предместье.

Отчего такое вдруг желание? Оттого, что в свои почти сорок Валерия Бурова ни разу нигде не была – в смысле продвинутой заграницы, помпезной, праздничной, заманчивой.

Возможно, если бы ее мужу так и не удалось расчистить от дел две недельки для совместного семейного отдыха, то не возникло бы у Леры горяче-жгучего желания поколесить по Европе. Но Леонид выкроил и спросил: «Куда рванем, Кнопка?», и она сказала: «В Европу, конечно». «Прям вот так во всю Европу?» – расхохотался муж. «Прям вот так во всю», – весело подтвердила Лера.

Рвануть планировали в понедельник. А в ночь с пятницы на субботу на фирме случилось ЧП.

Билеты пришлось сдать, бронь гостиничного номера аннулировать.

Горело недолго, охранник вовремя обнаружил задымление и вызвал пожарный расчет. Повезло. Если бы пожар перекинулся от бытовки на склад готовой продукции или сырьевой, где на полках стеллажей плотными рядами размещались картонные коробки с лаками и растворителем, не помогли бы и вертолеты.

Им позвонили под утро субботы, и Леонид сразу же метнулся в «Скворечник». Так именовалась фирма по монтажу зимних садов, теплиц, оранжерей и тому подобного – Лёнькина, а значит и ее, Валерии.

Муж вернулся лишь к вечеру – усталый, злой и голодный. Сказал, что ничего пока не понятно. Может, проводка, может, неосторожное обращение с огнем, а может, и поджог. Пока все не выяснит, просил об отпуске речи не заводить. Завтра ему снова надо на фирму, потом разбираться с пожарными, потом с персоналом, потом, возможно, с ментами. На понедельник запланировал переговоры со страховщиком – в случае, если выяснится, что на бытовку упал метеорит, хотя падение метеорита в договоре со страховой компанией не прописано. Короче, авральный рулѐж. Наскоро проглотив ужин, муж отправился спать, посоветовав Валерии поехать на дачу.

Она и уехала. Психанула и уехала. Видите ли, ее помощь мужу не нужна, Лера только под ногами путаться будет. Да начать. Ее отпуск, кстати, никто продлевать или переносить не будет. Она пока еще под начальством ходит. И хорошо, что из маркетологов не уволилась, хоть муж и уговаривал неоднократно бросить это неблагодарное дело. А не ушла, потому что проинтуичила – не будет Лёнька ее всерьез воспринимать в качестве партнера и правой руки. Так оно и вышло, угадала.

Еще не было десяти часов воскресного утра, а Валерия уже неспешно вела джип по пыльным проулкам Панкратовки – деревенского поселка, в простодушный строй бревенчатых изб которого беспардонно внедрили наглые современные строения.

Она загнала «мерс» в гараж, прошла в полуподвальный этаж коттеджа и оттуда поднялась по винтовой лестнице в жилые комнаты. Разобрала сумку с припасами – что-то в холодильник, что-то на полки в шкаф. Сентябрь выдался теплым, и в доме было нехолодно, поэтому отопление она решила не включать. Переделалась по-дачному и нацелилась поваляться в гамаке – подумать, чем занять себя в течение всего этого неопределенного времени.

Один день безделья она как-нибудь выдюжит и удовольствие от него, возможно, получит. А вот следующие...

Да чего там загадывать!.. Сон до обеда и чтение книг взахлеб – прекрасный релакс, о котором многие и помыслить не могут.

В толстом свитере, спортивных штанах с начесом и в носках из грубой деревенской пряжи, поверх которых налезали лишь мужнины шлепанцы, Валерия устроилась на диване-качелях в саду, предварительно убрав с них навес, чтобы не закрывал ласковое осеннее солнышко, на редкость приветливое сегодняшним утром. Справа она поставила эмалированную миску с нарезанными бананом и яблоком, слева уложила старенький ридер, который ей нравился больше самых новомодных планшетов. Минутку покачалась лениво-расслабленно, шурясь под теплыми лучами, взялась за книжку. Отдых начинается.

– Лерочка! Валерия Львовна! – окликнул ее нерешительный голос со стороны соседнего участка.

Любовь Матвеевна желает поздороваться, а Любовь Матвеевну обижать не следует. Во-первых, она милейшая дама запенсионного возраста, а во-вторых, именно она неизменно приглядывает за пионами, кустами жимолости и всем прочим, чему вздумается в тот или иной год уродиться в Лерином саду-огороде.

Лера приветливо помахала рукой стоящей с другой стороны штaketника миловидной старушке, собираясь прокричать полагающийся вопрос о делах и самочувствии, но та ее опередила. Убедившись, что внимание соседки привлечено, Любовь Матвеевна просительно произнесла:

– Можно мы к вам зайдем ненадолго? У Михаила Ивановича к вам просьба, Лерочка. Если, конечно, уместно будет вас об этом просить...

– Не разводи бодягу, Люба, – раздраженно прервал ее Михаил Иванович, который, оказываясь, стоял за спиной у Любви Матвеевны, а Лера и не заметила. – Придумала тоже – уместно, неуместно!..

Михаил Иванович Спиридонов приходился Лериной соседке дальним родственником, однако не было замечено, чтобы они поддерживали тесные контакты. И какая же нужда привела его сегодня к ним обеим?

Старик проживал в старом доме, в самом что ни на есть центре Панкратовки, на уговоры продать участок под застройку не поддавался, а по своему характеру был чрезвычайно несносен. В молодые и зрелые годы трудился слесарем на инструментальном заводе, а в качестве общественной нагрузки обучал желающих из числа рабочих и ИТР приемам самбо и дзюдо, поскольку имел какой-то разряд или пояс. Что именно, он путал, но до сих пор считал себя крутым перцем и, чтобы данный факт доказать окружающим, задибался с молодыми бугаями, цепляясь по ерунде – то машину не там припарковали, то головной убор не тот надели. Щуплый и подслеповатый, без фингалов он оставался исключительно по причине преклонных лет, из-за которых местные терпели его выходки, но, может, ему просто пока везло на бугаев.

– Лер, говорят, у тебя мент знакомый имеется, – зычно проговорил Спиридонов. – А то я не знаю, что с трупом делать. Вызову, как полагается, наряд, меня и заметут, неразобрались, в кутузку. Мент знакомый нужен. Чтобы не замели, короче.

– Да тише ты, чего разорался?! – негодуяще зашипела Любовь Матвеевна.

– А как не орать, если эта твоя зад от скамейки оторвать не хочет?

Валерия выбралась наконец из качелей и направилась в сторону калитки, чтобы отпереть засов, прокричав на ходу:

– Заходите, Любовь Матвеевна! И вы, Михаил Иванович тоже!

Несколькими минутами позже гости разместились на пыльной веранде Лериного коттеджа. Естественно, она не планировала принимать гостей, да и вообще только приехала. Поэтому на скептическое хмыканье деда Спиридонова ей было начхать, а Любовь Матвеевна ничего не заметила, молодчина.

– Где труп? Чей труп? Как вы его обнаружили? – приступила к расспросам Лера.

Она не была уверена, что это всё ей нужно, но если уж люди пришли, следует их выслушать, хотя бы из вежливости.

Спиридонов ответил недовольным тоном, но толково, что труп в сундуке, а сундук в сарае, а обнаружился труп, потому как сундук был распахнут, а чей труп – дед понятия не имеет. И вообще, Михаил Иванович его не рассматривал, чего на него, на мертвяка, любоваться. А пойти к Любе он решил, когда вспомнил, что в прошлом году к ее соседям, то есть вот к вам с супругом, приезжали на пикник гости, а среди них был мент, и вроде бы даже не простой, а майор с Петровки.

– Где ваши очки? – спросила Валерия между прочим.

– Разбились. Сел на них недавно.

Ясно. Выходит, все-таки получил бузотер по стеклам.

Хлопнув себя ладонями по коленям, Лера поднялась с места и сказала: «Идем смотреть».

– Зачем? Я не пойду! – испугалась Любовь Матвеевна.

Хорошенький вопрос – зачем. Прежде чем вызывать кого бы то ни было, следует убедиться, что труп в наличии, но озвучивать свои сомнения Лера не стала. Кроме того, идти без компании в место проживания Спиридонова ей не хотелось совершенно. Пришлось прибегнуть к уловке.

Валерия со строгостью в голосе сказала соседке:

– Вы врач бывший. Всякого навидались.

– Не пойду!

– А вдруг ваша врачебная помощь понадобится?

– Вот ему?

– Вот мне.

И та согласилась.

Смотреть труп увязался еще и Тугарин – пес Любви Матвеевны, мелкий анархист, то ли терьер, то ли шнауцер. Тугарин перехватил процессию, когда Валерия запирала калитку, а парочка ходочков поджидала на дорожке, идущей вдоль домов и коттеджей.

Подтрусив к Валерии и приветствовав ее кратким «тяф», он продолжил шарить неподалеку, обнюхивая обломки кирпича, сухие ветки, обертки от печенья и чипсов. Заметив неприятную проплешину у него за ухом, Лера с опаской поинтересовалась:

– Лишай?

Любовь Матвеевна со вздохом ответила:

– Глафира.

– Это как это? – изумилась Валерия.

Глафирой звалась дикая утка, на которую Любовь Матвеевна натолкнулась еще по весне, прогуливаясь по берегу речки Панкратовки. Утка грустно и обреченно сидела под кустом боярышника, вытянув под неестественным углом ярко-розовую перепончатую лапку. Соседка принесла пострадавшую домой, вправила лапку и даже наложила шину. К середине июня Глафира смогла встать на крыло и улетела к товаркам, которые водили хороводы в местных водоемах, однако отсутствовала недолго. Вечерять и ночевать прилетала обратно, оценив преимущества безопасного сарая по сравнению с гнездом в камышах, а также корма – собачьего.

– Тугарин только подошел к миске, а эта мегера его как щипнет клювом! Клок шерсти выдрала, злюка! Песик прям заплакал! Я ее прогнать хотела, а потом, думаю – нет, голубушка, посиди под запором, на овсянке и воде. А то ишь, повадилась тугаринов корм кефиром запивать. Еще и хулиганит.

– Это вы для красного словца про кефир сказали? – посмеиваясь, уточнила Валерия.

– Почему – для красного? Для обычного, черно-белого. Тугрик кефир любит, и Глафира полюбила. Я так мыслю – от зависти.

За разговором, в котором дед Спиридонов участия не принимал, они подошли к его усадьбе. Забор вокруг нее хоть и скособочился, и калитка хоть и закрывалась сикось-накось, но изба впечатляла кряжистой основательностью, навевая ностальгическую грусть своей патриархальной красотой.

Обаяние старины развеивалось на заднем дворе, замусоренном и неопрятном. Поленница дров, разъехавшихся в разные стороны, ржавые ведра, корыто, а на задках – отхожее место из почерневших от времени досок да щелястый сарай.

Домашней скотины Спиридонов не держал, но сарай выглядел, как курятник. В этом продуваемом всеми ветрами строении хранились изумительные вещи: деревянная колыбель, изготовленная – если навскидку – в начале двадцатого века, детские санки с высокой спинкой, тоже деревянные и такие большие, что хоть гнедого запрягай, прялка и, наконец, сундук. Это был всем сундукам сундук – с массивными дубовыми стенками, окованными металлическими полосами, с тяжелой покатой крышкой, которая в настоящий момент сундук прикрывала лишь отчасти. Плотно закрыться ей мешали человеческие ноги, по колено высывающиеся наружу, и мертвенно-восковая рука с зажатым в безжизненных пальцах белым носовым платком.

– Ой, мамочки! – зажала рот ладошкой Любовь Матвеевна.

Дед Спиридонов удрученно хрюкнул, да и Валерии тоже стало не по себе.

Один лишь Тугарин не утратил песьей жизнерадостности. Он деловито и с интересом обежал сарай по лабиринту тесных проходов, заинтересованно обнюхивая встречающиеся предметы, а затем запрыгнул на бортик сундука. Похоже, что собирался сигануть внутрь, поближе к мертвяку.

– Тугарин! Фу! – панически вскричала Любовь Матвеевна, а Валерия, ни к кому конкретно не обращаясь, задумчиво проговорила:

– Как-то неправильно реагирует на покойника Тугрик, вы не находите? Если я не ошибаюсь, он выть должен или хотя бы рычать.

– Значит, это заблуждение, – потерянно проговорила соседка и, повернувшись в сторону родственника, тем же тоном произнесла: – Миша, ты влип.

– Заблуждение? Надо проверить, – решительно сказала Лера и направилась к сундуку.

– Подменили! Труп был! Его подменили! – горячился дед Спиридонов пятью минутами позже.

– Ах ты, старый дурень! – укоризненно восклицала Любовь Матвеевна. – Радоваться должен, что манекен тебе подсунули, а ты чушь несешь. Устроил кипиш на пустом месте, занятого человека от дел оторвал!

– Тебя что ли?

– Валерию Львовну! Но меня тоже!

– Да какие у вас, глупых девок, дела!

Валерия, дождавшись паузы в перебранке, сказала примирительно:

– Все нормально, Любовь Матвеевна. Все нормально, Михаил Иванович. Мы выяснили, что это чья-то дурацкая шутка, и в полицию звонить не обязательно.

– Как не обязательно, если я знаю, кто это все устроил? – возмутился Спиридонов. – Это ж ухари с двенадцатого участка! Сначала они мою королеву умыкнули, а когда я им пригрозил, то подсунили мертвяка ненастоящего. И записку сочинили, гопники клятые!

И вправду, была еще и записка с угрозой. Не носовой платок, а клочок бумаги манекен сжимал в руке, если так можно выразиться. А текст был незамысловатый: «Если не перестанешь шуметь, старый хрыч, с тобой случится то же самое».

– Просто волна преступности, – пробормотала себе под нос Лера и громко спросила: – Что за королева? И почему вы решили, что ее умыкнули эти «ухари»?

Пацанов с двенадцатого Валерия лично не знала, но с ними знаком был Костян, внук Любови Матвеевны, и по виду те были нормальные ребята. Два родных брата и один двоюродный, все Кузнецовы. Шебутные, конечно, а кто не шебутной в двадцать или чуть больше лет?

– Потому что больше некому, – твердо заявил Спиридонов. – Вот вы, Валерия, тут у нас наездами, поэтому от жизни сильно отстали. Иначе знали бы, что мою королеву признали исторической ценностью – официально признали, следует заметить! Сейчас объясню. Заходил ко мне гость недавно. В Панкратовке проездом был, а ко мне зайти ему посоветовал друг, который тут у нас проживает. Вадим Андреевич как мою королеву увидел, сразу приценяться начал, ну а я, как водится, ни в какую. Хорошие деньги предлагал, врать не буду, но мне эта вещица самому нужна. Тогда он мне и говорит: «А давайте, Михаил Иванович, мы с вами к специалисту смотаемся, к эксперту по историческим реликвиям. Если он в этой статуэтке ценность какую увидит, то я за нее вам еще больше денег дам, поскольку антиквариатом торгую и по-любому продам ее дороже». Я согласился, но не чтобы продать, а чисто из любопытства. Ну вот, отвез меня этот Вадим Андреевич в город, к знакомому. Тот мою королеву забрал ненадолго, а нас в лабораторию не пустил, мы с Андреечем минералкой наливались в предбаннике. Эксперт вышел, они пошептались чуток, а потом Андрееч мне и говорит: «Вещь старинная, я цену за нее удваиваю, продавайте, зачем она вам». Ну, я ж не дурень какой, отказался. Но об том, что у меня историческая ценность имеется, сразу общественности доложил. А оно вон как вышло.

– Молчал бы лучше, а не трезвонил по всей деревне, – выговорила ему сердито Любовь Матвеевна.

– А с чего это я молчать должен? Пусть знают, что я им не баракло какое. Ох, что-то нехорошо мне, девки. Присяду я.

Михаил Иванович неловко приткнулся на дощатую лавку, пристроенную к стене сарая, потер грудь с левой стороны и продолжил, отдышавшись:

– Я им, шпане этой, срок до понедельника дал, чтобы статуэтку мне вернули. Сразу в полицию не пошел из уважения к деду, хороший токарь был, да и теперь мы с ним в шахматышки по зимнему времени играем. Ну, а они, вишь, как отомстить мне решили. Придется, видно, на старую дружбу наплевать и в полицию обращаться. А за шуточку с трупом еще больше накрутят, так им и надо. Может, напрасно я того человека не послушал, когда он угроваривал меня ее застраховать? Бывают же люди неравнодушные. Не поленился Вадим еще раз приехать, чтобы про страховку подсказать. Хотя, думается, у него своя корысть была. Пробовал он еще меня поугаваривать, а я не поддался, вот и дал совет. Это чтобы в моих глазах, значит, себя не уронить. Унизительно все же дважды на отказ напороться или даже трижды.

Валерия решила, что самое время отправиться восвояси. И хоть прерывать старика было неловко, она вежливо проговорила:

– Я соглашусь с Любовью Матвеевной. Не следовало вам всех оповещать о ценности вашего раритета. Но не переживайте, Михаил Иванович, вашу вещь обязательно отыщут. Только вам, конечно, заявление следует в полицию подать. Пойду я, пожалуй.

Однако Спиридонов не позволил ей уйти. Он неожиданно схватил ее за руку и проговорил с тоской:

– Нет, Лера, не найдут. А значит, и перстенька я больше не увижу Нюрино. Давай-ка ты присядь лучше, а я тебе объясню, какой вещи лишился.

Лера обреченно вздохнула и села рядом, Любовь Матвеевна, немного помешкав, пристроилась по другую от родича сторону. Надтреснутым голосом, медленно выговаривая слова, старик заговорил:

– Это, девки, я вам доложу, не простая статуэтка, а считай, реликвия. Ее мой батя в домино выиграл, году в пятидесятом. Они с мужиками в перерыв обеденный любили козла забить и ставки делали – небольшие, по копеечке. Батя мой покойный тоже на «Серпе» работал, как и я, династия у нас рабочая. Только теперь разве про это кто ведет разговоры? Все больше

про кредиты и ипотеки, и курорты на озере Рица. Отвлекся я, извиняюсь. А у одного малого в карманах ветер гулял, вот он и поставил на кон статуэтку, никчемную – на его взгляд. Строго говоря, не статуэтка даже, а фигура шахматная, белая королева, но крупненькая такая, с ладонь почти что. Подставка у ей на соплях держалась, а потом и потерялась вовсе. Батя для королевы смастрачил постамент из эбонита, вот так она в квартире у нас и прижилась. Когда я на пенсию вышел и в дедовский дом переселился, в этот самый, потому как не хотел у сына со снохой под ногами путаться, то статуэтку с собой взял. Ценная она для меня специальной ценностью.

Высказавшись, дед окончательно сник. Любовь Матвеевна с жалостным видом погладила его по рукаву и сказала тихо:

– Пойдем в хату, Миша. Мы сейчас тебя уложим отдохнуть, я капелек накапаю, ты поспишь, а после сна всё полегче будет.

Дед негодуяюще вскинулся:

– Хаты у бобров! А у меня изба!

– Именно, именно, – поторопилась согласиться с ним Любовь Матвеевна. – Пойдем в избу.

Они медленно двинулись через двор в сторону дома, вошли с черного хода в полутемные сени, миновали кухню, где уютно урчал холодильник, а на подоконнике лоснился нержавеющей пузом электрический чайник, громадина русской печки лыбилась во весь рот, а с ней по соседству, претендуя на главенство в кухонном мирке, расположилась газовая плита.

На пороге зала они остановились.

Обстановка просторной, с низким потолком и небольшими окнами комнаты была незамысловата: посередине – круглый стол, покрытый вишневым бархатной скатертью с бахромой, возле него четыре стула, у стены диван, напротив – массивный комод с телевизором.

На самом краю стола, вот-вот грозя сверзиться вниз, стояла статуэтка в виде белой шахматной королевы, на постаменте, набранном из эбонитовых пластин.

– Привет, солнце, как ты там? Извини, что трубку не брала, я телефон на веранде оставила, – покривила душой Валерия.

Ну не признаваться же мужу, что умышленно пропустила его вызов? Лёнька позвонил, когда старика Спиридонова транспортировали в машину «Скорой помощи», а тот, превозмогая боль в груди, давал им с Любовью Матвеевной наставления по дому и хозяйству. Медики поставили диагноз – инфаркт и приговорили к госпитализации. Любовь Матвеевна поехала проводить родича до больницы, Лера же пообещала ему запереть в избе все окна и двери и инспектировать время от времени дом внутри и снаружи – вплоть до выздоровления хозяина.

Лёнька поворчал немного для порядка и велел больше так не поступать, а носить мобильник при себе, чтобы не волновать понапрасну мужа. Сказал, что, скорее всего, возгорание на предприятии началось в самой бытовке, а больше пока ничего выяснить не удалось, так как ее обитатели потерялись из виду. Это было странно: квартировали в ней двое весьма положительных иностранных рабочих, не пьющих и не курящих, основным времяпрепровождением которых в часы досуга была игра в нарды и неторопливые чаепития из расписных пиал. Леонид сказал, что сейчас он все еще на фирме, и когда поедет домой, не знает. Выдав Валерии директиву не скучать и не пропадать, он обещал держать ее в курсе событий.

Валерия заверила, что скучать будет непременно. Как же иначе, если муж далёко? С годами она набралась мудрости и на такие провокации не велась. Но, по факту, томиться от скуки ей навряд ли придется. Она твердо решила выяснить, какой гад настолько подло обошелся со стариком. За подобные дела следует наказывать, и она не постесняется обратиться за помощью к майору Кутузову, хоть и придется для этого униженно просить. Попросит, не переломится. А перво-наперво Лера навестит тех самых «ухарей», которые попали под подозрение Спиридонова и, как оказалось, неслучайно.

– Так вот же она, королева твоя распрекрасная! – всплеснула руками Любовь Матвеевна, как только до нее дошло, какой предмет она перед собой лицезреет.

Спиридонов возмущенно на нее посмотрел и рявкнул:

– Люба, ты дура? Фуфло от вещи отличить не можешь?! Вот это ты видела?

Он подскочил к столу, схватил статуэтку поперек тулова, перевернул вверх постаментом и сунул под нос родственнице.

Любовь Матвеевна отшатнулась, негодуя пропищав:

– А что я должна увидеть, Миша?! Что я должна увидеть, кроме грязной черной пластмассы с четырьмя дырочками?

– Пластмассы! С дырочками! – пришел в неистовство Михаил Иванович.

Лера сдержанным тоном поинтересовалась:

– А что не так с постаментом?

Спиридонов сразу сдулся и, держа статуэтку в руках, шаркающей походкой направился к дивану, застланному гобеленовым покрывалом. Тяжело сел и только потом сказал, махнув рукой с королевой куда-то вверх:

– Это моя Нюра. Покойная.

Подняв взгляд, Валерия увидела на стене черно-белую фотографию молодой четы – девушки в фате и белом простеньком платье и ее мужа в пиджаке с широченными ватными плечами, белой рубаше и полосатом галстуке.

– Я внутри подставки тайничок сделал и Нюрино колечко там хранил. Конечно, кому оно нужно, колечко грошовой, могло бы в коробке из-под леденцов валяться, но Нюре очень статуэтка нравилась. А тут отвинчиваю крышку – под ей ничего! То есть никакого тайничка нету и в помине. Сплошная поверхность, еще и клеим изляпаная. Присмотрелся – ё-моё, а и статуэтка не та, не из кости вырезанная, а литая из пластмассы. Дешевая подделка, иначе говоря. Я сразу сообразил, чьих это рук дело. Сашка Кузнецов, брательник двоюродный Кузнецовых, в литейке работает. Там у них солдатиков из пластика отливают и монстров уродливых. Потому и ходил к ним шуметь.

– А когда вы обнаружили этот факт? – заинтересованно спросила Лера.

– Ну когда... – застеснялся Спиридонов. – Когда за денежкой полез, в пятницу, позавчера это было. Вишь ты, по субботам ко мне сноха навевывается, Наталка, суцая змея. Она на неделю мне варево готовит – рыбу на пару и прочую диетическую отраву. Абсолютно есть невозможно, но приходится. Они с Алешкой, сыном моим, решили по причине холестерина какого-то хренового, диабета и еще какой-то мутотени нормальную пищу мне запретить. И ведь не лениво ей, змеище, еженедельно ко мне навевываться, чтобы харч этот приготовить. А жрать, кроме него, нечего! Не дают они мне денег на жратву, и пенсию мою за меня получают. Говорят, пива нальешься и кирдык тебе, папа, поэтому не смей. А как без пива хоть разик в неделю? А я за грибами схожу, дачникам на станции продам, вот и соберется капитал к концу недели. А в пятницу у меня банкет перед «ящиком», я сериалы детективные уважаю. Позавчера тоже вот так собрался за колбаской копчененькой и пивком в сельмаг сгонять, открываю тайничок, а тайничка-то и нету. Так подмену и обнаружил.

– Кроме перстенька вы еще и купюры в постаменте хранили?

– Не хранил, а прятал! – с вызовом ответил Спиридонов. – Хранил я только колечко.

– Извините, оговорилась. Так, может, этот ваш приезжий статуэтку подменил, когда вы на экспертизу с ним ездили? Хотя, нет, за полчаса копию не сделать.

– Не клевети на хорошего человека! – возмутился дед Спиридонов. – Тем более как раз на другой день я выручку от грибов в схрон убирал! При мне еще была моя реликвия, и тайник, и все, что в нем, тоже!

Тут сделалось деду совсем худо. От сильной боли в груди он не мог вдохнуть, ловил воздух ртом и пучил испуганные глаза. Хорошо, что неотложка приехала быстро. По воскресеньям с утра пробок мало.

Лишь после того, как старика увезли, Валерия перезвонила мужу. Надо бы, конечно, обо всем Лёньке рассказать, но если уж сторяча допустила вранье, исправлять косяк придется позже. В целом оценив разговор с мужем на твердую четверку – с той точки зрения, не обиделся ли он, и не следует ли обидеться ей, – Лера кликнула Тугарина и отправилась навестить двенадцатый участок.

Про семейство Кузнецовых Лера знала: когда младшее поколение собирается подкатить на дачу, старшее съезжает в Москву, дабы не мешать молодежи расслабляться. Валерии нужны были молодые и крутые.

«Надеюсь, сегодня именно их день», – с мрачной решимостью подумала Лера, настроиваясь на разговор.

Стучать в калитку ей не пришлось – ворота стояли распахнутыми настежь. На газоне перед коттеджем стояли три байка, слегка накренившиеся на сошках. Два из них были прикрыты дерматиновыми чехлами, а возле третьего переговаривались о чем-то братья Кузнецовы – Гарик и Толян. Саня в отдалении хлопотал возле жаровни – время близилось к обеду. Все трое были в спортивных штанах, черных майках без рукавов, с накачанными бицепсами.

– Парни, – громко произнесла Лера, приподняв статуэтку над головой. – Меняю копию на оригинал. Если вернете, вам ничего не будет.

Здрав брови, Гарик и Толян переглянулись, ухмыльнулись и двинулись в ее сторону. Саня тоже отвлекся от шампуров, прислушиваясь к разговору.

– И что там у вас? – спросил Гарик, забирая у Валерии «королеву».

Осмотрев, он передал статуэтку брату, тот хмыкнул и вернул Лере. Скривив физиономию в недовольной гримасе, тот проговорил:

– Не брали мы эту шнягу, так старой плесени и передайте. Не стыдно вам, Валерия Львовна, на откровенную лажу вестись?

Лера холодно произнесла:

– Старая плесень, как вы изволили выразиться, в больнице сейчас с инфарктом. Для Михаила Ивановича лекарством будет, если его вещь найдется. А что до лажи, то я, конечно, не технарь, но понимаю, что при нынешних технологиях сделать литую копию из пластмассы – выеденного яйца не стоит. А кузен ваш, если не ошибаюсь, как раз на таком производстве и работает.

– Работает! Только сначала с оригинала форму нужно сделать, хоть бы и силиконовую! – начал горячиться Толян. – Выходит, по-вашему, Саня к деду в дом проник, чтобы его антиквариат резиной обмазать, потом аккуратно отделить форму, сунуть в карман и незаметно исчезнуть? Чушня полная, вам не кажется?

– Не кажется! – упрямылась Лера. – Старик часто спит днем. Ему могли подсыпать что-нибудь в чай или воду.

Вытирая руки вафельным полотенцем, к их компании присоединился Санек. Он молча взял из Лериных рук статуэтку и принялся внимательно рассматривать.

– Хоть вы и не технарь, Валерия Львовна, но должны были понять, что данный предмет получен не литьем, – спокойно произнес он.

– Как не литьем? А чем же тогда? – растерянно спросила Лера, да и Гарик, хоть и промолчал, не скрыл удивления.

Саня пожал могучими плечами:

– Это и без очков видно: распечатка на 3D-принтере. Фигурка вся мелким рубчиком покрыта, вы не заметили? Принтер слоями печатает, поэтому остаются ступеньки.

– Ну точняк! – оживился Гарик. – Не литье это вовсе! Обвиняют тебя, Санек, голословно, ты можешь в суд на них подать. А что, хорошая идея. Слупишь с деда пару тыщенок чисто для профилактики. Еще вопросы имеются?

Это он уже к Лере обратился, и она поняла, что пора ретироваться, не забыв извинения принести. Но вместо этого Валерия спросила растерянно:

– И кто же это тогда сделал?

– Кто угодно! – радостно заверил ее Толян. – Принтеров таких по Москве немерено, заказы принимают через интернет, и знать даже не будут, для кого вещь изготовили. Вы как, уходите уже?

Неожиданно Саня проговорил:

– Вы бы, Валерия Львовна, со Славкой Бойко потолковали. У него недавно друган оставливался и к деду навевдывался зачем-то да не один раз.

Ну что же, это была ниточка. Извинившись перед «ухарями», поблагодарив за наводку и уточнив, в каком доме проживает Славка Бойко, Лера направилась на соседнюю улицу.

Дом у Бойко был кирпичный, огромный, трехэтажный, за кирпичным же забором. Лера даже оробела слегка, но, вспомнив, что робость ей несвойственна, решительно нажала на кнопку звонка, удивившись попутно, что звонок простой, а не с видеокамерой. Недоработочка, уважаемый господин Бойко.

Калитку отворил невысокий человек средних лет, одетый в дорогой спортивный костюм, из-под штанин которого выглядывали носы почти новых кроссовок. Лера представилась, однако хозяин дома продолжал молча смотреть на посетительницу без какого-либо выражения на чисто выбритом лице.

С толку это ее не сбило. Стараясь произносить слова непринужденно и даже весело, она поинтересовалась, не подскажет ли уважаемый Вячеслав, как ей связаться с его другом, который недавно заезжал к нему в гости. Дело в том, что от соседа по даче, Спиридонова Михаила Ивановича, к которому этот самый друг заглядывал на чай аж дважды, Лера узнала, что он занимается скупкой антиквариата, а у Леры как раз имеются дивные каминные часы времен царя-освободителя, так не купит ли...

Бойко прервал ее на полуслове. Он вялым голосом рассказал, что Вадька зарулил к нему случайно, в связи с поломкой его «опелька». Вадим как раз проезжал мимо Панкратовки и еле доплюхал на трех цилиндрах до Славиного коттеджа, где и подремонтировали ему тачку, вызвав техпомощь. Пока производились работы, он разгуливал по улице, мог и к Спиридонову зайти. О том, что Вадька посещал пенсионера еще раз, Вячеслав знать не знает, и вообще они не друзья. Но – что Славе известно доподлинно, – антиквариатом Вадим не интересуется, ему просто не до того с его постоянными проблемами в коммерции.

На том разговор и завершился, и выяснить Валерии удалось лишь то, что Бойко на редкость неприятный тип. Хотя погодите, кое-что выяснилось, однако. Приезжий поведал деду Мише, что специализируется на скупке предметов старины, а Славик данный факт отрицает. Вранье это или нет? Может, Бойко просто-напросто не в курсе дел приятеля?

В любом случае расследование зашло в тупик. Сдаваться не хотелось, поэтому Лера из чистого упрямства решила еще разик осмотреть мнимый труп, который все еще занимал реликтовый сундук Спиридонова. Заодно она сможет перекусить рыбными котлетками, приготовленными на пару заботливой снохой Михаила Ивановича. Время обеденное, а еда все равно пропадет.

– Здорово, Гробовщик, – скрипуче проговорил в трубку Слава. – Тобой тут интересовались, между прочим. Одна мадам. Сказала, что толкнуть тебе хочет какую-то антикварную хрень, но я ей не поверил.

Приятный баритон ответил с усмешкой:

– Почему? Думаешь, она просто захотела назначить мне свидание?

– По кочану, придурок самодовольный! Считаю, интуиция. Ты почему до сих пор в Москве? В Анталю же вылетать собирался еще в четверг? Говорил, что у тебя там стрелка с покупателем...

– Да блин, сорвалось, – голос сделался огорченно-озабоченным. – С таможенной проблемы, нужно ждать, когда знакомый чел выздоровеет, а он может и неделю проваляться. А тот, который его замещает, прочухал, что статуэтка раритетная, потребовал документ на вывоз и права собственности. Сам понимаешь, откуда они у меня? Так что пока мне ее ни с рук сбыть, ни вывезти.

– Ты давай там, разруливай, – разнервничался Слава. – А то, понимаешь, меня еще приятнул, а я, болван, повелся. Зачем манекен было подсовывать? А бодягу с подделкой затевать? Нанял бы кого-нибудь, тебе бы эту статуэтку и так изъяли, какие проблемы?

– Не понимаешь? – начал раздражаться его собеседник. – Время мне нужно было выиграть, вот зачем. Чтобы успеть вывезти вещь из страны, чтобы слишком рано в розыск не объявили, чтобы на таможне не было сложностей! Какой бы ни был таможенник прикормленный, но лишнее брать на себя не станет! И деда заткнуть тоже полезно, а с манекеном хороший трюк получился, ты не догоняешь что ли?

– Еще как догоняю. Короче, я тебя предупредил. Сиди тихо, а лучше – смотайся. Я тоже лишнее на себя брать не стану.

– Ты, Славик, хорек. Всегда был, им и останешься.

– Да пошел ты!

Гудки.

Манекен как манекен. И одежда на нем самая обыкновенная, хотя могла бы быть и поновее. Неужто личными шмотками пожертвовал урод ради гнусного прикола? Джинсы и джемпер не с помойки, это точно, да и чистые на первый взгляд. Мокасины на «труп» имелись и тоже не новье. И к чему было все это затевать?

Еще раз окинув недовольным взглядом кучку текстиля на травке возле дедовского сарая, Лера перечитала записку. На принтере распечатана, и данный факт ничего не дает, коли нет подозреваемого, в окружении которого можно было бы поискать тот самый принтер. Да и связана ли пропажа «королевы» с появлением манекена в сундуке? Скорее всего, да.

Надо бы карманы проверить, хотя что она может там обнаружить? Крошки махорки или билет на поезд дальнего следования? Шарить по карманам ей не хотелось совершенно, как будто и вправду перед ней лежал голый труп, а рядом – его одежда. Поймав себя на подобной глупой мысли, Лера отобрала у Тугарина туфлю, которую песик стянул с манекеновой конечности и намеревался всласть погрызть, и присела на корточки рядом с ворохом одежды. Тугарин не огорчился и принялся активно разгребать лапами тряпье, тычась в него мордой и отпикивая Лерины руки, с азартом подтягивая. Весело было пёселю.

– Фу, Тугарин, – строго проговорила Лера. – Мешаешь. Иди лучше поищи себе дело в другом месте. Я сказала, искать!

Собака воспринял команду всерьез, тьякнул, принимая задание, и умчался в сторону калитки, предоставив Валерии возможность в спокойной обстановке произвести досмотр. За время его отсутствия Лера смогла убедиться только в том, что карманы джинсов, стянутых с манекена, пусты, а у джемпера карманов нет по определению. Песьи поиски оказались результативнее.

Звонко лая, он вскоре вернулся и принялся хватать Леру за штанину, пытаясь тянуть за собой. «Ну что там у тебя?» – ворчливо спросила она, однако приглашение приняла и следом за Тугарином вышла на дорожку, ведущую от калитки к крыльцу. С двух сторон ее окаймляли кусты дикой розы с поредевшей и по-осеннему пестрой листвой. На одной из веток, примерно

на уровне колена, белел небольшой прямоугольник из плотной матовой бумаги, зацепившийся за острый шип.

Бумажка оказалась ярлыком от джемпера с указанием размера, цены и адресом магазина стоковых вещей, который данную вещь предлагал приобрести по умеренной цене. Если ярлык не от того самого джемпера, швы которого она минуту назад осматривала, то Валерия – дворник Герасим.

– Дай я тебя расцелую! – вскричала Лера радостно, намереваясь ухватить Тугарина за мохнатые щеки и малость потрепать.

Но Тугарин недовольно клацнул зубами и ускакал за дом разбираться с оставленным без присмотра вкусным мокасином.

Лера не возражала. Она предвкушала успех.

Взглянув на часы, она прикинула, что вполне может успеть до позднего ужина смотаться в ТЦ на южной окраине Москвы, в котором квартировал указанный на бирке магазин.

К чему откладывать? Зайдет только к Любови Матвеевне, если та уже вернулась из больницы, спросит, как дела у деда Миши, и сменит трусики на джинсы.

Припарковав «мерс» на примыкающей к торговому центру автостоянке, огромной, как футбольное поле, Валерия направилась к раздвижным дверям гипермаркета. Энтузиазм ее за время поездки несколько поутих.

Вышагивая по просторному холлу малолюдного ТЦ, сияющего чистотой витринных стекол и глянец гранитного пола, она размышляла, пытаясь выработать хоть какую-то стратегию поведения.

Ну, отыщет она этот, с позволения сказать, бутик, ну, поздоровается с продавщицей. А дальше-то что?! Не может та помнить всех покупателей, да и захочет ли разговаривать? В принципе, оживить ее память способна купюра среднего достоинства, Лере не жалко, только вот не примется ли продавщица небылицы сочинять? Все возможно.

Однако на подходе к небольшой стеклянной выгородке с вывеской «Кесарь и Леопарда» у Валерии зародилась надежда, что беспокоить продавщицу ношенных вещей не потребуется. В витрине соседнего магазина, торгующего верхней одеждой из Турции, бросалась в глаза нелогичная брешь в стройном ряду манекенов мужского пола. Справа от входа в бутик их насчитывалось четыре, а слева – три. Это могло быть случайным совпадением, а могло и привести к разгадке.

Подойдя к дверям «Демократичного барина», как именовался магазин с недостающим манекеном, Валерия с интересом ознакомилась с содержанием невзрачной таблички, вывешенной сбоку от входа. Та гласила, что владельцем данной коммерческой единицы является ИП Трунов В.А.

Очень Лере понравились инициалы владельца. Со слов старика Спиридонова она помнила, что заезжего знакомого звали Вадим Андреевич. Может, она все-таки вытащила козырную карту? Проверяется это легко и быстро.

– Добрый день, – умеренно деловым тоном поздоровалась она с ярко намакияженной шатенкой средних лет, сидящей за стойкой с кассовым аппаратом. – Я бы с Вадимом Андреевичем хотела переговорить. Будет он на точке сегодня?

Продавщица оторвалась от смартфона и удивленно посмотрела на Леру. Ответила не сразу, но все же разжала губы и произнесла:

– Вадим... Андреевич редко тут бывает. Вы ему позвоните. Если он в Москве, то трубку возьмет.

– Я бы позвонила, – желчно отреагировала Лера, внутренне ликуя. – Нужно было бы мне тащиться к вам в захолустье, если бы у меня был телефон Вадима вашего Андреевича! Мне заказ надо сделать на поставку униформы для сети ресторанов, и мне рассказали, что

он знает, где хороший товар достать по разумной цене. А из координат – только адрес точки предоставили. Но если вам так лениво...

Решив усилить наезд проявлением высокомерного недовольства, Лера с презрительной гримаской повела взглядом поверх макушки продавщицы и запнулась, увидев сувениры, стоящие на стеллаже за ее спиной. Не сдержав любопытства, она спросила:

– Простите, а какое отношение к верхней мужской одежде имеют макеты обелисков?

На полке выстроились в ряд именно они – уменьшенные копии могильных надгробий, выполненные умело и с любовью. В высоту от десяти сантиметров до пятнадцати, копии были черные, как гранит, и белые, как ракушечник. На их фронтальных поверхностях имелись надписи позолотой, крошечные лавровые венки и еловые ветки, а на двух макетах – миниатюрные портреты почивших.

– Это не продается, – буркнула продавщица.

– Зачем же тогда это все здесь размещено? Оригинально, конечно, но все-таки... Странно немножко, – выразила недоумение Лера и прибавила, прочитав имя на бейджике: – Как вы считаете, Елена?

– Макеты хозяин изготовил, – пояснила Елена с непонятной эмоцией: то ли с осуждением, то ли с гордостью. – Одно время Вадим Андреевич в гранитной мастерской при кладбище работал гравером. Ушел оттуда, потому что много пьющих среди мастеров было, а он вовремя опомнился. А к профессии до сих пор тяга, вот и мастерит крошечные могильные камни во всех подробностях. Эти он в магазин принес, потому что дома уже ставить негде. Он вообще мужчина рукодельный. Вообразите, на той неделе у манекена рука оторвалась в процессе переодевания, так Вадим не стал обращаться в службу, а домой отвез, собирается починить самостоятельно.

Так, так, так. Рукодельный, значит! Сам манекены починяет. Занятно. Особенно потому, что у спиридоновского «подкидыша» правая рука скотчем приторочена и, кстати, не особо умело.

– А из какого же материала Вадим Андреевич изготавливает свои макеты? Тоже камни поделочные использует? Круто!

– Да нет же, какие еще камни! Пластик, конечно. Но со стороны выглядит достойно, не правда ли?

– Еще бы, – похвалила поделки Валерия. – Весьма и весьма! Просто загляденье, а не памятники, честное слово!

Спокойно, Лера, нужно сосредоточиться. Теперь тебе не просто номер его телефона нужен, а личная встреча. Давай, детка, соберись, придумай ход. И Лера придумала.

– Леночка, а ведь у меня к нему дело-то какое имеется, – доверительно проговорила она, облокотившись о стойку. – Я хотела комбинацию ему одну предложить, финансовую. Нашей ресторанной сети требуется форменная одежда для поваров, официантов...

– Так вы, получается, хозяйка сети? – с заметным недоверием перебила ее продавщица.

– Я что, похожа на хозяйку? – возмутилась Лера. – Нет, конечно. Менеджер на побегушках и низкой зарплате, но с высшим образованием. И в этой самой голове появилась отличная схемка, которая позволит мне, ну и вашему хозяину тоже, получить немного дивидендов.

– Какая схемка? – жадно спросила продавщица.

– Елена, – строго одернула ее Валерия. – Меньше знаешь, крепче спишь. Но одно я могу пообещать вам точно: этот заказ не последний. Если вы устроите мне переговоры с хозяином, то отблагодарить вас я не забуду.

– Любовь Матвеевна, повторите инструкции, – распорядилась Лера, когда дамы готовились выбраться из джипа на автостоянке.

Любовь Матвеевна послушно произнесла:

– Я должна как можно незаметнее пройти вслед за вами в помещение магазина и укрыться за вешалками с одеждой, делая вид, что выбираю какую-то вещь.

– И внимательно слушать разговор.

– Да, Лерочка.

– И смотреть за происходящим.

– Подсматривать.

– Именно. И в нужный момент подтвердить мои слова.

– Лжесвидетельствовать не буду, – пропищала та, но прозвучало это твердо.

– Любовь Матвеевна, а вот, если бы, к примеру, за мной гнались бандиты и спросили бы вас, в какую сторону я побежала? Вы указали бы им нужную сторону?

– Я бы указала противоположную.

– Вор должен сидеть в тюрьме?

– Лжесвидетельствовать не буду.

Тьфу.

– Хорошо. Договорились. Вы только правдиво ответите на мой вопрос, когда я вас об этом попрошу. Идет?

– Идет. А зачем вам все же мое животное понадобилось? В переноске ему тесно.

– Потерпит. Сейчас всем трудно.

– Ну а зачем?

– Не знаю пока, – чистосердечно призналась Лера, и Любовь Матвеевна недовольно поджала губы. – Возможно, мне понадобится отвлекающий маневр или провокация. Там разберемся.

Они пересекли автостоянку и вошли в торговый центр. Лера с переноской в руках и рюкзаком за плечами шла впереди, Любовь Матвеевна – слегка сзади.

Вчера поздно вечером Валерия навестила соседку, чтобы уговорить ее присоединиться к операции по изобличению преступника. Прийти раньше не получилось. Сначала Лере пришлось изрядно поломать голову, как половчее справиться с задачей. Составляла, так сказать, алгоритм. Кое-что она придумала, но было понятно, что многое решит ее умение импровизировать. Заодно Лера узнает, наличествует ли данное свойство в ее натуре как таковое. Хотелось верить, что да.

Потом звонила майору Кутузову, с которым состояла в не особо приятельских отношениях, но это был единственный ее знакомый из полиции, а без его поддержки план трещал по швам.

– Добрый вечер, майор, – поздоровалась Лера, – каков процент раскрываемости?

– А чё? – не слишком приветливо спросил Кутузов, что-то жуя.

– Ничё. Могу помочь повысить.

– Да ну, – хмыкнул майор.

– Точняк, – уверила его Лера и кратко обрисовала ситуацию.

– Ну, я не знаю, – с ленцой проговорил Кутузов. – Хотя... Лады. Подстрахую.

Договориться с майором оказалось проще, чем с родственницей потерпевшего. Когда Валерия принялась расписывать Любове Матвеевне план, то столкнулась с неожиданной трудностью – та никак не хотела брать грех на душу и клеветать на человека, виновного в другом преступлении. Но Лера сказала: «Вы хотите, чтобы Михаил Иванович переборол болезнь? Или пусть погибает там, в реанимации, под капельницами?» Тогда Любовь Матвеевна расплакалась, а Лера пообещала, что прибегнет к ее помощи в самом крайнем случае.

Вот и двери «Демократичного барина». Дурацкое какое название. Ну, да пусть себе, не важно. Лера вошла первой, обождала, пока Любовь Матвеевна проскользнет к боковым стеллажам. Стараясь не привлекать внимание господина, стоящего за кассой вместо вчерашней Лены, осмотрелась. Покупателей, как и накануне, не было, повезло. Развернув висящую на

стеклянной двери табличку тыльной стороной наружу, Валерия оповестила публику, что торговое заведение закрыто. И мимо вешалок с пиджаками, брюками и разномастным трикотажем пробралась вглубь бутика.

– Здравствуйте, Вадим Андреевич, – проговорила она, подойдя к стойке. – Спасибо, что согласились со мной встретиться и ради этого приехали сюда. Меня зовут Валерия.

– Очень приятно, Валерия, – приветствовал ее крепыш лет пятидесяти с хитроватым прищуром глаз на круглом лице. – Надеюсь, что траты бензина и времени окупятся с лихвой.

– И я надеюсь, Вадим Андреевич. Сама на колесах.

– Присаживайтесь, сударыня, – с едва заметной насмешкой проговорил Трунов. Видимо, продавщица доложила ему про менеджера на побегушках.

Первым делом Лера опустила на пол переноску с настороженно притихшей животинкой, подыскав место возле письменного стола, примыкающего к кассовой стойке, затем скинула с плеч рюкзак и тоже поставила на пол, но не рядом, а с торца. И наконец села на предложенный хозяином стул. Трунов расположился в кресле напротив, вальяжно откинувшись на спинку, вытянув ноги и сцепив руки на плотном животике.

– Один момент, – улыбнулась Лера и, наклонившись к рюкзаку, достала из его недр небольшой кошелек, из которого извлекла сложенный вчетверо листок бумаги – тот самый, с угрозой старику Спиридонову – и протянула владельцу «Барина». Трунов бумажку принял, ознакомился с содержимым и вопросительно посмотрел на собеседницу.

– Сейчас я вам все объясню, – проговорила она, забирая записку. – В поселке Панкратовке случилась недавно неприятная история. Я бы даже назвала ее грязной. У одинокого пенсионера выкрали антикварную статуэтку, заменив на подделку, а когда он принялся искать виноватых, подкинули манекен в человеческий рост, приложив к нему вот это самое послание. Недавно вы были у нас проездом и дважды заходили к старику, поэтому я вынуждена вас спросить: это не вы взяли раритет?

Трунов расхохотался и смеялся долго и искренне. Наконец он вытер выступившие от смеха слезы:

– Иными словами, сударыня, никакую махинацию с заказом вы мне предлагать не собирались, а всю комедь затеяли исключительно ради того, чтобы задать свой вопрос?

– То есть вы не причастны! – обрадовалась Лера. – Я, представьте, так и полагала. Теперь и в полиции смогут в этом убедиться, когда сличат отпечатки пальцев на этой записке с отпечатками на поддельной статуэтке. Мы поможем органам скорее разобраться в этом деле. Так сказать, резко сузим круг подозреваемых.

Вадим Андреевич продолжал весело улыбаться, а вот его взгляд сделался колючим. Он проговорил:

– Вы можете быть совершенно уверены: моих пальцев на какой-то там фальшивке не найдется. Да и вряд ли обнаружатся хоть чьи-либо, кроме хозяйских, преступник нынче грамотный пошел. Что же касается дактилоскопической сверки, то тут вы, боюсь, ошибаетесь. Следы на этой вашей записке не имеют процессуальной силы, они взяты без соблюдения норм. А с соблюдением я их не предоставлю. Я не дурак, чтобы идти в полицию и говорить: «Снимите мои отпечатки, чтобы снять подозрения». Тем более что подозревать меня не в чем. Нет ни единой причины, чтобы счесть меня фигурантом дела, которого еще и не открыли – никто заявление о пропаже вещи в полицию не подавал. Я прав?

– Не подавал, вы не ошиблись, – согласилась Валерия. – Но потерпевший напишет заявление в ближайшие дни, я прослежу. Про мудрых преступников вы тоже верно выразились, просто в яблочко попали. Только отчего-то мне кажется, что следы пальцев непременно отыщутся, и не где-нибудь, а внутри постамента. Точнее, между его слоями. Преступник, конечно, уничтожил их снаружи, но навряд ли стал бы протирать каждую пластину эбонита, прежде чем наклеить одну на другую.

– Ну, меня-то это не касается, – рассеянно проговорил Трунов. – А лично вам, Валерия, я бы посоветовал не тратить время на пустые хлопоты. В этой ситуации пенсионеру ничего не светит. Подобные кражи не раскрываются по определению.

– А я раскрою, – с вызовом проговорила Лера. – Всем известно, что преступник оставляет след. Даже если ему мерещится, что он Эйнштейн преступного мира.

Трунов хмыкнул, в глазах его заиграли шальные искорки, и с оттенком бахвальства в голосе он произнес:

– Вот я, например, профессором Мориарти себя не считаю, но аферу, о которой вы мне поведали, провернул бы так, что и комар бы носу не подточил.

– Ага, конечно, – скривила губы в скептической усмешке Лера.

Как манипулятор, она была слабовата, но попробовать стоило.

– Не верите... Сейчас я вам это продемонстрирую. – Трунов уложил локти на стол, сцепив пальцы в замок и, с хитровой улыбкой глядя на Леру, принялся излагать: – Я обратился бы к спецу, который отсканировал бы для меня статуэтку на 3D-сканере, а заодно и взвесил ее. Простофиля-владелец был бы уверен, что в помещении по соседству проводится не что иное, как экспертиза принадлежащей ему вещи. В тот же день, распрощавшись с пенсионером, я бы нашарил в интернете фирму, где можно распечатать фигурку из пластика по полученным чертежам, а постамент изготовил бы своими руками, не привлекая лишних людей. После всего этого я бы снова наведалься к старику, но не на тачке, а тихохонько электричкой подкатил в темное время суток, и подменил вещь на фальшивку, пока тот будет ставить на кухне чайник.

– А манекен? Тоже бы тихохонько подкинули? – стараясь говорить равнодушно, спросила Лера.

– А манекен к деду в сарай протащил бы мой кореш, есть у меня такой в вашей Панкратовке. И записку бы он черкнул, это вообще пустяшное дело. Допустим, он мне был должен, а я долг ему простил и проценты погасил. Славка – нормальный чувак, хоть и хорек местами. Сразу мне позвонил, когда по вашему поселку слух пошел про скандал с пропажей. Испугался за меня, что могут заподозрить ненароком. Видите ли, Валерия, мой основной бизнес – поиск старинных вещей по деревням и продажа их за границу. В тот день я как раз возвращался из чёса, но пустой, без добычи. Славик рассказал про деда, я и решил к нему наведаться. А когда взглянул на так называемый раритет, сразу понял, что это дешевка из пластмассы. Ни на какую экспертизу я с дедом не ездил, а подвозил его до сельмага, и во второй раз не заезжал, потому как незачем. Старик все придумал, и доказать обратное невозможно.

– Но ведь отпечатки пальцев на подделке вы бы оставили?

– Да какая разница... Может, и оставил бы, – Трунов опять откинулся в кресле. – Только в базе МВД меня нет, поскольку не засвечивался. Привлечь меня как подозреваемого по данному делу невозможно – за отсутствием у следствия каких-либо доказательств. Презумпция невиновности и все такое. Вот вызовите меня в полицию, чтобы дактилоскопию провести, а я с адвокатом явлюсь. Они, полицейские, тоже люди, и понимают: шансы, что отпечатки совпадут, примерно один к одному. А ежели не совпадут, то в СМИ такой вой поднимется про полицейский произвол, что мама не горюй. Погоны полетят, как грачи по осени. И как итог вышесказанного – проверить идентичность пальчиков не получится. Алес на этом.

Повисла тишина. Был только слышен приглушенный стеклянной дверью шум, доносящийся из центрального холла торгового гиганта, и возня в переноске.

– Ой, – очнувшись от задумчивости, пробормотала Лера. – Мне ведь животное покормить срочно нужно. Вы позволите, Вадим Андреевич? Режим питания нарушать нельзя, ветврач не разрешает.

Трунов еще не понял, о чем его спросили, как визитерша поспешно расстегнула рюкзак, вытащила из его глубин керамическое блюдце и пластиковую банку из-под соленья, споро расставила посуды на столе. Она насыпала в блюдце собачьего корма и снова нырнула к рюк-

заку, на этот раз за полулитровым пакетом кефира однопроцентной жирности, и наполнила им банку примерно наполовину. Наконец Лера присела на корточки и вызволила из переноски утку – пестренькую дикуую утку – которую, взяв за перистые бока, водрузила напротив приготовленного для нее пиршества.

Вид Глафира имела несколько очумелый и испуганный. Но, увидев перед собой такие роскошные блюда, птица вмиг забыла страхи и неудобства. Алчно клацнув клювом, она зачерпнула первую порцию корма, потом еще, повернулась в сторону банки с кефиром, намереваясь промочить горло, но в этот момент вышел из ступора хозяин магазина.

Как же Лера надеялась, что он подскочит на месте и кинется гонять птицу по бутику! Или хотя бы просто подскочит на месте! Но Трунов, окаменев лицом и по-прежнему сидя, процедил сквозь зубы:

– Пошли вон обе. Вон я сказал!

И одним движением руки смахнул Глафиру на пол. Корм рассыпался, банка с кефиром накрылась.

И хозяин, и его гостя проводили взглядом уткин полупрыжок-полукувырок – расправить крылья времени и места у Глафиры не было. На излете она тюкнулась темечком в стопку свитеров и водолазок, аккуратно разложенных на стеллаже, и съехала на пол.

Трунов опустил взгляд на стол и мрачно осмотрел безобразие, устроенное не без его участия: под ежедневник, перевернутый на время беседы с Валерией страницами вниз, вязкими щупальцами заползали ручейки кефира, рекламные листовки «Демократичного барина» были покрыты смачными белесыми брызгами, стикеры, вывалившиеся из опрокинутого органайзера, также напитывались кисломолочным продуктом. Повсюду пестрели конопушки собачьего корма, сделавшие картину насыщеннее и ярче.

От возмущения лицо Трунова стало багровым, но, потрясенный дикой нелепостью случившегося, Вадим Андреевич на время утратил дар речи.

А Валерия больше не смотрела ни на стол, превращенный в помойку, ни на хозяина магазина. Боковым зрением приметив движение у стеллажа, где аварийно приземлилась Глафира, Лера повернула голову и с изумлением увидела, как утка, растопырив крылья, вытянув вперед шею и хищно выставив клюв, несется в их сторону, словно разъяренный берсерк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.